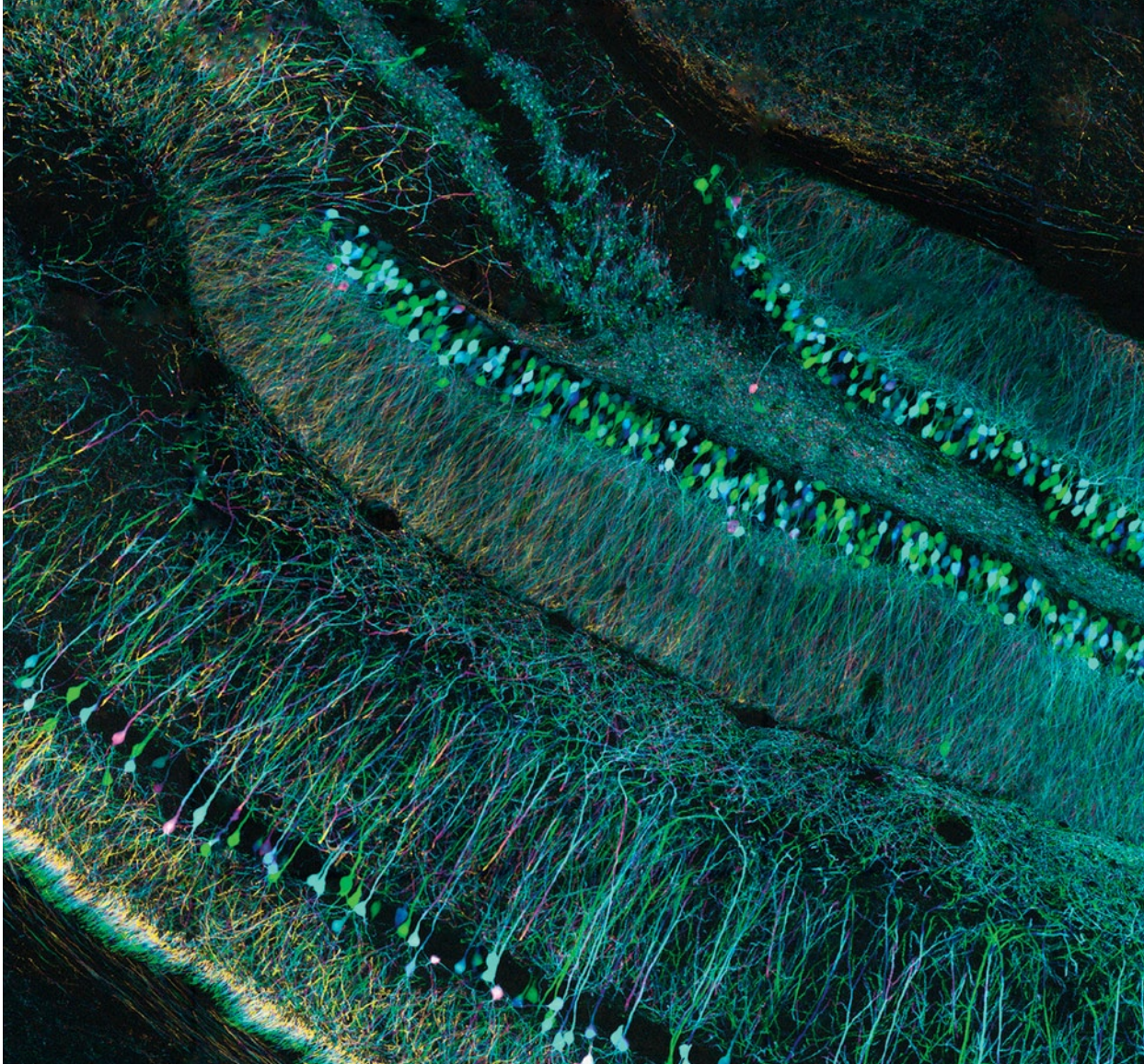
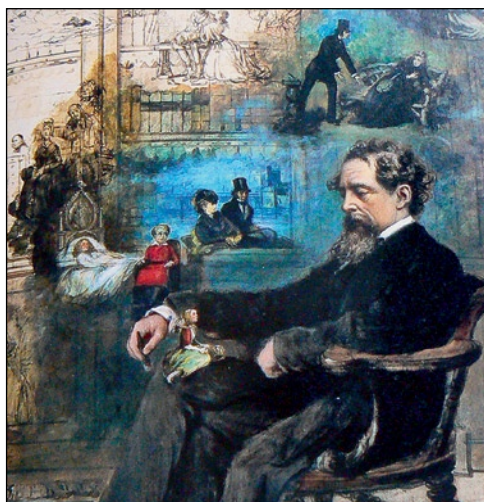

ISSN 0028-1263

НАУКА И ЖИЗНЬ

II ● Нобелевские лауреаты этого года — Нобель бы не воз-
2014 ражал! ● «Моя вера в людей, которые правят, в общем, ничтожна; моя вера в народ, которым правят, в общем, беспредельна» (Чарльз Диккенс) ● Неужели воспоминания настолько дороги, что без них жизнь не представляет ценности?! ● «Копейные деньги» помогли Минину и Пожарскому, а ныне они не нужны.

ОГНЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Елена ПЕРВУШИНА.

Глава десятая.

В ЗЕРКАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ-2

Через две недели мы пьём у Маши чай со столь же восхитительными тарталетками, на этот раз творожными, и обсуждаем мой заказ. Просматриваем портреты художниц и останавливаемся на автопортрете Лауры Найт, где она в жизнерадостно-красном пиджаке, белом шейном платке, бежевой юбке и чёрной войлочной шляпке с короткими загнутыми полями на пастуший манер. Решаем, что кукла будет одета именно так.

Маша по-прежнему рассеянна, часто «ускользает», но в общем и целом беседу поддерживает. Я замечаю у неё на руке кольцо — в том же стиле, что серёжки и кулон, которые мне передал Максим при первой встрече. В прошлый раз кольца на Машинном пальце не было.

Маша отключила видовые окна, и за стеклом возникла реальность: синее февральское небо с тонкими, но уже почти кучевыми облаками, розоватые, освещённые солнцем стены зданий, ещё голые ветви берёз, толстые, плачущие под солнечными лучами сосульки. Только что прошла оттепель, но сегодня опять приморозило, и по дороге я вдоволь налюбовалась на людей, пытающихся сохранить равновесие. Ещё один мой тайный сад.

Лиза стоит у окна, покачиваясь. Время от времени она коротко вскрикивает, срываясь на визг. Но это не от страха и не от боли, просто случайные импульсы раздражают уцелевшее поле прецентральной извилины, управляющее мышцами гортани.

Маша хочет её увести, но я подбрасываю в разговор новую идею, и она отвлекается. Сама того не замечая, Маша начинает раскачиваться в такт Лизе. Что вполне логично. В возбуждённом состоянии Маша не может контролировать

зеркальные нейроны. Благодаря этим нейронам млекопитающие научились передавать информацию не только на генетическом уровне, но и путём обучения. Однако сейчас они лишь помогают воспроизводить болезненные и бессмысленные движения старшей сестры.

Лиза босая, большой палец правой ноги заклеен лейкопластырем.

— Прищемила вчера дверью, — вздыхает Маша. — Кричала, а открыть дверь не сообразила. Вот дурочка.

— Мне так жаль. Вам, наверное, грустно всё это видеть, — говорю я.

Маша рада сочувствию:

— Да ладно, я уже привыкла. Страшно было, а потом... это всё-таки Лиза. Просто больная. А вы с сестрой вместе живёте?

— Нет, она много путешествует. Но мы дружим. А вы дружили? — спрашиваю я.

Маша озадачена вопросом.

— Да, вроде того. Сначала — да. Потом — не знаю...

— Потом, это когда Лиза вышла замуж?

— Да нет... Мне кажется, позже. Да, точно позже. Она... вдруг стала какая-то грубая, назойливая. Нехорошо так говорить, но... всё время рассказывала, как у них с Максом в постели, расспрашивала меня о моих парнях... Это кризис среднего возраста, да?

— Может быть.

— Раньше я хотела, чтобы она была поласковее, как-то ближе что ли... Чтобы не смотрела на меня сквозь свои книги... или сквозь меня в книги... Постойте, о чём я?

— Вы хотели, чтобы она была поласковее...

— Ну да, попроще... чтобы спустилась, понимаете? Меньше умных слов говорила. Но когда она на самом деле спустилась...

— Это оказалось вовсе не так весело?

— Да. Но всё-таки Лиза — это Лиза и не должна... То есть, наоборот, должна... В смысле...

Окончание. Начало см. «Наука и жизнь» №№ 7—10, 2014 г.

Рисунок Майи Медведовой.

— Должна вести себя как Лиза?

— Точно. При этом — если бы ей правда было любопытно! А она спросит — и ответа не слышит. Я спрошу: Лиза, ты о чём думаешь? А она задремала. Или карандаш грызёт, как в школе, тогда у неё весь рот был в язвах... Пахнуть от неё стало... мочой. Очень слабо, но всё же. Книги читать перестала. Пролистывала только. Оторвёт уголок у страницы, скрутит козью ножку, в зубах ковыряет. Сядет в кресло, ногой болтает и молчит. Я говорю: «Лиза, тебе домой не пора?». Она: «А? Что? Да нет, не пора... А сколько времени?... Ой, поздно как, я и не заметила...». И снова сидит. Как будто меня изображала, когда я маленькая была. Она-то вечно училась. А теперь — словно в детство играла. В моё. Да ещё и украла у меня в последний раз... Зачем она так? — У Маши из глаз начинают катиться слёзы, но она этого не замечает. — Я когда-то... когда очень обижалась... Крала... рвала... со злости... думала, вот увидят — и им будет больно... заплачут. — Первая слеза поползает до

уголка рта, и Маша слизывает её. — Значит, она тоже злилась на меня? Хотела сделать больно? Но за что? Почему?

Лиза хватается руками за лицо, вскидывает голову и застывает в архетипической позе плакальщицы. Её розовый халатик распахивается, видно загорелое покатое бедро, узкое колено, уходящая вниз линия голени. Я быстро смотрю — ничего необычного, просто зеркальные нейроны отразили «сигнал горя», исходящий от Маши, но он так и не попал в кору.

Говорю Маше:

— Всё в порядке, она ничего не чувствует.

Девушка улыбается виновато, гладит Лизу по спине и, когда та обмякает, уводит в спальню. Выходит, спрашивает:

— Будет ещё хуже?

— Не знаю... Маша, что именно украла Лиза?

— Лекарство. Мне назначили... Сама, кстати, и покупала. Хорошо, запас есть... Вот, — она подходит к шкафу, выдвигает ящик, роется, достает рецепт. — Можете прочесть? ➔

Конечно, могу. Это ретилан. Препарат нового поколения для лечения гиперактивности и патологии внимания, «умное» лекарство с транспортными молекулами, избирательно активирующее восходящий путь ретикулярной формации. Зачем он Маше — понятно. Но зачем он Лизе? Заметила у себя симптомы, напомнившие ей симптомы Маши, и решила заняться самолечением? На прежнюю Лизу не похоже. Но она изменилась, причём это произошло гораздо раньше, чем она побывала у Тамары. По крайней мере, так говорит Маша, и у меня нет оснований ей не верить.

А то, что она украла ретилан сразу перед тем, как поехать к Тамаре, — совпадение? Но чем ретилан мог повредить? Даже если принять сразу весь пузырьрёк... Плохо, конечно, будет, но не настолько. Можно загнуться от сосудистого коллапса, да. Но если выживешь, останешься в здравом уме и твёрдой памяти. А Лиза, наоборот: с давлением всё нормально, но по мозгам будто блендером прошлись.

Ладно, это можно обдумать позже. Что сейчас? Ах да, кольцо! Очень тонкая надежда, как молодая сосулька, но я чувствую на языке её вкус.

— Маша, помогите мне ещё немного, и, может быть, мы решим задачу. Это у вас Лизино кольцо? Я видела похожий комплект.

— Да. Максим разрешил, я взяла на память.

— А там есть архив?

— Архив?

— База данных.

— Не знаю.

— Дадите мне посмотреть?

— А вы вернёте?

— Конечно. Я хочу понять, что было с Лизой до того, как всё случилось. О чём она думала? Может быть, там есть записи...

— Вы выйдете за Макса?

— Я не Ребекка, — быстро отвечаю я.

Глаза Маши распахиваются от изумления.

— Это такой роман, — объясняю я поспешно. — То есть Ребекка была как раз первая жена, злодейка... Ладно, это неважно. Я хотела сказать: не Джейн Эйр... Знаешь, кто такая Джейн Эйр?

— Лиза мне читала давно, но я не помню...

— В общем, я не из той истории, где девушка помогает вдовцу найти убийцу его первой жены и... Тем более что Максим — не вдовец... И я...

— А вы ведь похожи на меня, — неожиданно говорит Маша.

— Пожалуй, — соглашаюсь я.

На самом деле всё просто: я успела подстроиться под Машу и успешно её «отзеркаливаю», благодаря чему заговорила на её языке. Временный эффект. Надеюсь.

На самом деле идея, пришедшая в голову, очень умозрительна. Когда-то я читала статью в околоспсихологическом и полунучном журнале об использовании постоянных носителей. Понятно, что люди не до конца доверяют хранению файлов в облаках и предпочитают наиболее значимую информацию носить с собой. В статье автор рассматривал характер файлов, сохраняемых на различных постоянных носителях. Он писал, что можно проследить закономерности. В серьгах, как правило, сохраняли актуальную информацию, которая могла потребоваться в любой момент, в том числе когда доступ к облаку перекрыт хакерской атакой. Поэтому буфера серёг постоянно обновлялись. В браслетах и на брелоках чаще всего хранили фотографии и видео, от официальных до дружеских, а также резюме, отзывы, рекомендации, текущие статусы, виш-листы — всё, что составляет «социальное лицо» человека. На кольцах же хранили наиболее личную, интимную информацию. И когда я увидела Лизино кольцо на пальце сестры, то поняла: есть возможность эту теорию проверить.

Кроме того, если рассказ Маши — правда, то в корне меняется расклад. Выходит, с Лизой всё случилось не в одночасье: она начала меняться задолго до того, как переночевала у Тамары. И суть изменений мне хорошо знакома. Нейрофизиологи называют их «лобные потери»: дефицит внимания, обеднение интересов, утрата представлений о социально одобряемом поведении. Лиза не Юлия и не могла столь же ясно отдавать себе отчёт о своём состоянии, но тем не менее, возможно, она смогла заметить перемены и написать об этом. И возможно, проговориться о причинах, если она о

них догадывалась. И самое лучшее место для таких записей — кольцо.

Дома я подключила кольцо через кулон к уникаму. И обнаружила один файл, озаглавленный очень интригующе: «Заметки о Л.». Пытаюсь открыть, но он запаролен. Чего и следовало ожидать. Мат в один ход, потому что я не умею вскрывать пароли. Припоминаю, что рассказывала Катя, ишу в сети данные, ввожу день рождения Лизы, потом — день рождения Максима, потом — день рождения Маши. Эффект нулевой. Кажется, Лиза меня обыграла. Можно было бы посоветоваться с Катей, у неё всегда найдётся знакомый с соответствующими навыками, но Катя в последнее время мрачна и неразговорчива — видимо, какие-то проблемы в театре, не хочу её лишний раз беспокоить. Поэтому откидываюсь в кресле, заложив руки за голову, и начинаю искать новый взгляд на проблему.

За окном — розовый вечер, погода снова переменилась, натянуло облаков, потеплело, солнца не видно, но оно чувствуется по рассеянному розовому свету, подкрасившему серый хрупкий весенний снег. Дорожки грязные, бурые от песка, но и на них лежит всё тот же почти незаметный розовый отсвет.

Снова поворачиваюсь к экрану уникама, но в голову по-прежнему не приходит ни одной идеи. Зажмуриваюсь, слежу за синими змейками, которые скачут перед закрытыми глазами (остаточные импульсы в нейронах сетчатки), потом открываю глаза. И замечаю кое-что. В рабочем поле у меня стоит ограничение по умолчанию: «Только файлы в форматах, выпущенных за последние пять лет». Действительно, в старых форматах сейчас никто не работает. Но для спрятанных файлов — самое то. Переключаю поле в режим «Все фай-

лы». И... вот он тут как тут, маленький файл с симпатичным именем «gfhjkm». Мы подобным ещё в школе баловались: писали друг другу письма на латинице. И «gfhjkm» как раз и означает «пароль». Что и требовалось доказать.

Открываю файл и вижу запись: «К. Л. I, 5, 49 — 50». Радостно ввожу в поле «пароль» файла «Заметки о Л.». И... ничего. Вот чёрт! На всякий случай ввожу К. Л. I, 5, 49 — 50 в поисковую строку и получаю ссылку на Kuala Lumpur. Не эврика, конечно, но пробую и Kuala Lumpur в качестве пароля. Тщетно.

Тут самое время сдаться, но как раз этого я сделать не могу. Физически. Быть так близко от разгадки (теперь я практически уверена, что в файле — разгадка) и не узнать её?! Или узнать, но потом, когда найду, у кого проконсультироваться? Опять ждать? Нет, по крайней мере, пока я не попыталась ещё раз.

Стучусь к Кате. Три коротких удара, три двойных, снова три коротких. Она открывает дверь:

— Что случилось, Аня?

— Расшифровать не могу один пароль, — показываю на экран. — Думала, может, у тебя есть кто знакомый...

— Зачем знакомый? Я тебе и так скажу. Это регистр пьес Шекспира. К. Л. — король Лир, I — первое действие, 5 — пятая сцена, 49 — 50 — строчки.

— Кажется, подходит. Подожди минутку.

Нахожу текст пьесы. Ищу первый акт, пятую картину, сорок девятую строчку. И у меня перехватывает дыхание. Вот слова, которыми Лиза зашифровала доступ к тайному дневнику:

O, let me not be mad, not mad, sweet heaven. Keep me in temper. I would not be mad!*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЗАГОВОР НЕЙРОНОВ

Глава одиннадцатая. БЕСПОРЯДОЧНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ

Как и «Царь Эдип» — эталонная трагедия о бессилии и величии человека, — «Король Лир» начинается с того момента, когда уже всё кончено. Сражения выиграны, границы царства защищены, справедливые законы

провозглашены, дети выращены, настало время почтить на лаврах. И если в «Эдипе» новая напасть заявлена с самого начала (чума, необходимость найти нарушителя

* Не дайте мне сойти с ума, о боги!
Пошлите сил, чтоб не сойти с ума!

Перевод Б. Пастернака

законов богов), то в «Лире» долгое время герою кажется, что всё в порядке, а выходка Корделии — каприз впечатлительной избалованной девчонки.

Лир, как и Эдип, не без оснований полагал себя мудрым королём, многого достигшим, много познавшим... Он думал, что наладил государственную машину так, что она сможет долгое время работать без его непосредственного участия, без его усилий...

Лир полагал, что всего достиг, всё знает и всё умеет. Что время для него остановилось в счастливом золотом закате и так будет вечно. На самом деле ему предстояло пройти ещё один трудный участок пути — из света во тьму...

Ул. Славная, д. 7 ИМП 04.03. 17.20 Со-
болева К.021

Его мир был плоским и правильно устроенным: хорошие дочери (Гонерилья, Регана — в центре, плохая дочь — на периферии, она изгнана, почти не существует). Лир надеялся провести остаток жизни в равномерном ритмичном движении от двора Гонерильи ко двору Реганы. Переезд — праздник — переезд — праздник. Собирался стать королём-символом, сакральным гарантом стабильности. А стал безумным королём.

10.03 14.00 ОФЭКТ к. 114, полотенце.
13.03. 18.00 к. 087 ПЭТ

Когда его мир теряет равновесие и гармонию, он рушится. Обретая объём и динамику, его мир рушится. Нарушение Гонерильей и Реганой законов почитания родителей, законов гостеприимства (гибрис, гордыня) приводит в упорядоченный средневековый плоский мир Лира неукротимые стихии, отдаёт Лира во власть сумасшествия...

«Безумие Лира — беспорядочное установление истины». Грудин Р.

15.03 Стрижов. К. 122 12.30
16.03 Соболева 16.00
Это надо осмыслить...

Кому-нибудь знаком я?

Я — не Лир.

Так ходит Лир? Так говорит?

Что ж, слеп я?

*Размяк рассудок,
и соображение
Заснуло? Как, не сплю?
Не то, не то...
Кто может рассказать мне,
кем я стал?*

Страшна не смерть, страшно умирание... Страшно раздвоение, когда теряешь себя и осознаешь это, когда помнишь, чем ты был, но уже не можешь быть... Но ещё можешь помнить.

O Lear, Lear, Lear! Beat at the gate that
let thy folly in. (K. L. I, 4, 294—295).

*О Лир! Лир! Лир!
Стучи в ту дверь,
откуда ты позволил
Уйти уму.*

И осознавать, что близкие видят твою борьбу за остатки личности и догадываются, что она безнадежна. И им больно.

Нельзя пороть горячку! Три месяца на раздумья! Не меньше!

*Зачем собака, лошадь, мышь —
живут,
А ты не дышишь?..*

Шекспир был помешан на бессмертии. Не для себя — себя он видел в образе вечного старика, живущего молодыми страстями, но сознающего, что сам он страстей внушить уже не может («То время года видишь ты во мне...»). Персонажа смешного, но наделённого внутренним достоинством, проистекающим из сознания своего бессилия.

Нет, бессмертия он желал лишь для своего друга — «прекрасного юноши», поэтому допускал его связь со «смуглой леди». Интересно, что для «смуглой леди» он, кажется, ничего не желал.

Она не должна повторить себя в детях, она лишь отразит своего партнёра... Это похоже на Аристотеля, на теорию Аристотеля, теорию древних греков: женщина — лишь приёмник, приёмник и передатчик, передатчик азбуки Морзе.

Так. Стоп. Обнаружила себя сидящей и плящущей на экран. Не знаю, минут де-

сять или полчаса. Специально не стираю последние строчки, чтобы не забыть, как это бывает.

Куда я смотрела?
Это — оно?

Шекспир — прагматик. Он не верит в средства, продлевающие жизнь, в шарлатанство. Для его понимания доступен лишь один вид бессмертия — размножение. Но размножение он воспринимает не как создание новых сущностей, новых жизней, а как бесконечное клонирование себя.

*Потомства от прекраснейших
мы ждём,
Чтоб не увяла роза
красоты,
В другом цветке, наследнике
своём,
Опять явив знакомые
черты.*

*Сын каждый повторит тебя
раз десять,
И десять раз умножит
каждый внук —
Тысячекратно жить тебе
на свете:
У Смерти для тебя
не хватит рук.
Одумайся, красу губить
не смей,
Наследниками делая
червей.*

Как современно!

То же повторяется в комедиях — на их комедийном уровне.

Виола говорит Оливии:

*Да, это красота, есть
красота,
Природа в ней смешала
алый с белым.
Вы, леди, были б самую
жестокую
Из женщин, если б
прелести свои
Свели в могилу, не оставив
копий.*

Оливия отвечает:

«О сударь, я не буду настолько жестокосерда; я издам всяческие перечни моей

красоты; ей будет составлена опись, и каждая частица и принадлежность будут приложены к моему завещанию. Так, например: засим две губы, достаточно красные; засим два голубых глаза, с веками к ним; засим одна шея, один подбородок и так далее».

На самом деле все быстро поняли, что клона придётся выращивать как обычного ребёнка, и его «начинка» всё равно будет другой, а потому старомодный способ делать детей дешевле и эффективнее.

При этом в комедиях о близнецах (те же «12 ночь» или «Комедия ошибок») сюжет основан на том, что близнецы, несмотря на потрясающее внешнее сходство («Мне всё сдаётся, право, что ты не брат, а зеркало моё»), всё же разные люди...

Как странно обнаружить в себе на четвёртом десятке лет некую религиозность, похоже, унаследованную от родителей. Страх, что меня «перепрограммируют». Мама так и не позволила вырезать ей узел в щитовидной железе, хотя все говорили, что это простейшая операция. Позволяла делать себе уколы, только когда уже не было сил сопротивляться. Теперь я её понимаю. И «Гармо-мамы» — дурищи, это понятно, но что-то в их словах есть. Не сами же они их придумали, чужие повторяют, старые, древние... деревни... дух животворит, плоть умирает... но если умирает дух? Жить в согласии с совой... то есть с собой. С какой совой? С какой собой? Сова Афины? Синий воздух в Афинах.

Больше всего пугает превращение. Как будто Маша возьмёт нитки и превратит одну фигурку в другую. И даже если эта кукла будет знать, что когда-то была мной, она не поймёт, что это значит. Я забуду всё, что знала, всё, чем была, и, может быть, той мне совсем не захочется учиться заново. И всё равно я, такой как я была, умру. Теперь я понимаю, почему мама боялась и ненавидела врачей. Они предлагают решение, которое ничего не решает. То, чем я дорожу, всё равно исчезнет. Меня не будет. Будет чужая, кукла. Так зачем стараться? Кого я буду

развлекать? Кого буду утешать, что смерти нет? Не хочу позволять врачам ковыряться в своей душе.

Меня всё равно не будет. Кто уснёт, того разбудят, а если не разбудит никто... если царевна правда мёртвая? Не спящая, а... спокойно спи, здесь не разлюбят, не разбудят...

На весь твой страшный мир ответ один — отказ.

В чём преимущества сумасшествия? В том, что его не осознаёшь.

Это существо (моё биологическое эго) будет хотеть жить, на свой лад. У него будет своя жизнь, свои страхи и радости на уровне ему доступном, оно будет похоже на меня, и близким будет иногда казаться, что это я, но этому не нужно верить, это мóрок, не нужно удерживать меня с собой ради этих крох. Меня не будет...

Обойдётся Сабуров без статьи! Павлов занят... Я тоже занята.

<http://blekdrims.come!!!!>

Он видит снег и знает, что умрёт ещё до таянья его, до ледохода. Бр-р-р...

Глава двенадцатая. ПОВЕСТЬ О БЕЗРАССУДНО ЛЮБОПЫТНОМ

Это была одна из любимых книг моего отца. Не то чтобы он её читал... Просто один раз в долгом каботажном рейсе к спутникам Юпитера он, от нечего делать, перерывал корабельную библиотеку и наткнулся на этот файл. Открывать не стал, но название понравилось, и следующие двадцать лет он цитировал его кстати и некстати. «Смотри, Аня, напишут ещё про тебя "Повесть о безрассудно любопытной"!» Может, и до сих пор цитирует, давно его не видела.

А я любила детективы. И обязательно заглядывала в конец. Где сыщик всех собирает в комнате, выходит на середину и рассказывает, как всё было на самом деле. И ты понимаешь, что значили все таинственные события, которые описаны в книге. Как будто бегемоты сидели под водой, выставив наружу только ноздри и уши. Потом сыщик щёлкнул бичом, и звери полезли на сушу. Только убедившись, что хаос и на этот раз не победит,

я могла читать с начала — те главы, где герои ещё ничего не понимают и действуют вслепую.

А Лика больше всего любила начало. Особенно то место, где находят труп и все начинают бегать в панике, кто-то бьётся в истерику, кто-то падает в обморок, кто-то глухо рыдает в спальне... Я видела, как она наслаждается потоком эмоций, бьющим с экрана, купается в них. И совершенно не задумывается о том, что будет дальше, где скрылся убийца и как его найти.

Сегодня я глубоко осознала банальную идею, что безрассудное любопытство действительно опасно. Когда ты ввязываешься в историю, не понимая, чем она на самом деле окажется и готова ли ты её пережить. Что когда бегемоты выбегают на сушу, они убивают больше людей, чем любые хищники Африки. Разобравшись, в чём дело, я только усугубила положение. По крайней мере для себя.

Захожу на сайт blekdrims.come (интересно, такая неграмотность — это приём или само собой получилось?) и нахожу последнее звено в цепи разгадки. Сайт посвящён комбинациям нейропрепаратов и их эффектам. Набираю в строке поиска «ретилан» и нахожу комбинацию «Взломщик синапсов». Это не галлюциноген, это оружие. Ретилан прицельно активирует восходящий путь ретикулярной формации, усиливая способность к концентрации. (Чётко локализованное действие выгодно отличает его от препарата предыдущего поколения.) Но... если принять его вместе с иницианом — обычными каплями против аллергии, заодно улучшающими настроение, которые можно купить без рецепта в любой аптеке, этот коктейль создаст в ретикулярной формации концентрацию инициана, намного превышающую физиологическую. Препарат «вскроет» все холинергические синапсы в ретикулярной формации и будет бомбардировать кору ацетилхолином, как из пушки, пока не разрушит систему связи между корковыми центрами. Получится именно то, что я вижу у Лизы, — хаос. Потом действие препарата закончится, ретикулярная формация придёт в норму, и никто ничего не поймёт. А «бомбардировка» сотрёт все следы лобной деменции: вернее, на фоне

разрушений такого масштаба они будут просто незаметны.

Теперь я знаю, что произошло.

Я не могу оценить по достоинству идеи Лизы насчёт «Короля Лира», но короткие записи между абзацами с рассуждениями понимаю без труда. Ул. Славная, д. 7 — адрес Института Мозга и Поведения (ИМП) — организации, объединяющей и контролирующей всю неврологическую службу города (наше отделение также находится под их патронатом). У института сильный консультативный центр. К.021 — номер кабинета, Соболева — фамилия врача, 04.03. 17.20 — дата и время. Скорее всего, Лиза обратилась за консультацией, заметив те же симптомы, на которые обратила внимание Маша. И солгала Максиму, сказав, что доискивается до причин своего бесплодия? А может, и не лгала? Начала обследоваться по поводу бесплодия, а потом кто-то направил её к неврологам. Значит, не солгала, а промолчала?

10 марта ей сделали однофотонную эмиссионную компьютерную томографию (ОФЭКТ), 13-го — позитронную эмиссионную томографию. Исключили сосудистые изменения и объёмные процессы. 15 марта её осмотрел Стрижов — чтец, работающий в консультативном центре института. Мы пару раз встречались на конференциях. Он хороший специалист и ответственный человек. 16 марта Лиза снова встретилась со своим лечащим врачом, та сообщила предварительный диагноз, назначила симптоматические препараты и посоветовала прийти для контроля через три месяца.

Узнать диагноз — не проблема. Если я устрою консультацию у НикСаныча, он наверняка свяжется с доктором Соболевой и получит нужную информацию. Но судя по тому, что рассказывала Маша, речь может идти о деменции лобного типа.

«Деменция лобного типа — нейродегенеративное заболевание, ранними признаками которого являются расстройства познавательных функций, способности к абстрагированию, обобщению, снижение эффективности мышления и поступков. Со временем проявляются и нарастают

обеднение эмоций, словарного запаса, возможна булимия, нередко злоупотребление алкоголем, проявления синдрома Клювера—Бьюси (гиперсексуальность, эмоциональные нарушения, отсутствие чувства стыда и страха). Понижение способности к мышлению и двигательной активности ведёт к социальной дезадаптации. Нарастающий когнитивный дефект, грубые изменения поведения и личности приводят к практически полной социальной беспомощности таких больных через несколько лет после начала заболевания. В неврологическом статусе, уже на ранних стадиях деменции лобного типа, может наблюдаться недержание мочи; постепенно походка становится шаркающей, мелкими шажками, часто с широко расставленными ногами, с трудностями начала движения, неустойчивостью при ходьбе, что характерно для так называемой лобной атаксии. Заболевание прогрессирующее, неизлечимое. Перспективы нейропротезирования исследуются».

По описанию, кажется, подходит. Но даже если я ошиблась в определении конкретного диагноза, то группу, думаю, угадала верно. У Лизы начало развиваться одно из нейродегенеративных заболеваний — проклятие любого невролога, заставляющее чувствовать себя глупым и беспомощным. Вдруг почему-то организм «решает», что высшая нервная деятельность ему ни к чему, и начинает довольно эффективно избавляться от неё. Болезнь Альцгеймера из этой группы, но там очерёдность симптомов несколько иная. Причины и механизмы развития таких болезней практически не известны. Иногда (в том числе и в случае деменции лобного типа) прослеживается семейный характер.

Через три месяца доктор Соболева подтвердила диагноз и предложила Лизе нейропластику. Собственно говоря, в таких случаях нейропластика — это разновидность симптоматической терапии. Подсадка нейронов не останавливает процесс дегенерации, только замедляет. Больше того, постепенно начинают разрушаться и подсаженные нейроны. И главное (тут Лиза права) — изменения личности необратимы. Можно подсадить новый нейрон, но нельзя восстановить его «начинку», он будет расти и уста-

навливать новые синапсы, накапливать новую память, но старая исчезнет безвозвратно.

Это именно то, что я предложила Максиму — проконсультировать Лизу и провести нейропластику. Нужно ли мне теперь сказать ему, что Лиза уже один раз стояла перед таким выбором и что она приняла решение?

Так вот какой ультиматум предъявила Лиза мирозданию: либо её собственная индивидуальность, индивидуальный стиль мышления, либо ничто. Бессознательность. Она была не согласна не только превратиться в «собаку, лошадь, мышь», чтобы жить, но даже стать немного другой.

Покончить с собой она не захотела: возможно, было слишком страшно, возможно, она пожалела своё «биологическое эго», оно ведь тоже существует, обладает эмоциями, кое-каким сознанием и желаниями.

Она выбрала иной путь: зашла на нелегальный сайт, посвящённый психоактивным наркотикам, и отыскала рецепт, решивший её проблему быстро и радикально. Возможно, она выбрала именно «взломщика», потому что ингредиенты были ей доступны. Ретилан она стащила у Маши. Поэтому Маша и демонстрировала при встрече симптомы декомпенсации СДВГ: ей, видимо, пришлось сесть на половинную дозу, чтобы растянуть препарат до следующего рецепта невролога. Инидиан купила в аптеке. Отправилась на дачу к Тамаре, и там... прекратила «стучаться в ворота утраченного разума».

Моя первая реакция: «Какая глупость!».

Но... может ли кукла судить о ценностях людей и о том, что они теряют, становясь куклами? Может ли «демон Франкенштейна» понять мотивы «детей природы»?

Среди чтецов нет здоровых. Тордис Бергсдоттир ослепла, получив удар по затылку от отца-алкоголика. У Роберта Хикару была гидроцефалия — водянка головного мозга. У Олега Стрижова — тяжёлая родовая травма и детский церебральный паралич. А мы с Ликой родились, сросшись головами.

Нам повезло: мы ещё не ведали, что у нас есть какая-то память и личность, и за нас выбирали родители. После разделения хирурги провели нейропластику. Лике понадобилось совсем немного нейронов, мне — побольше. Пересаженные нейроны, разрастаясь и выстраивая свои сети, порой находят такие соединения, которые никогда не формируются при нормальном развитии. Так я стала чтецом. Искусственным человеком, которого не могло быть, если бы мои родители принадлежали к «людям старых традиций» и подчинялись «воле природы». Нам было в тот момент около двух лет — слишком малы, чтобы что-то помнить. Возможно, и была когда-то «другая девочка», «другая Аня» и соответственно «другая Лика», но их уже нет. Растворились. Поглощены. Приняла бы я подобное решение, если бы могла выбирать? Да, безусловно. Я-взрослая и Я-такая-как-Я-есть просто не могу решить по-другому. Мой опыт неизбежно приводит к этому. Но согласилась бы со мной Я-изначальная? Чисто умозрительное предположение. Не могу вообразить, какой бы я стала без подсадки нейронов.

Но сейчас речь не обо мне. Речь о Максиме. НикСаных наверняка предложит нейропротезирование для Лизы, и Максим наверняка согласится. В своей тоске он больше всего на свете хочет её вернуть, и для него не имеет большого значения, вернётся ли она точно такой, как была. Но для Лизы это имело значение. Мы можем подсадить нейроны и за счёт управления аксональным наведением с помощью нейропептидов и управления на более высоких уровнях с помощью нейромедиаторов создать вполне функциональные структуры. Глаза будут видеть, мозг опознавать увиденное, центр речи называть то, что человек видит. Одного лишь мы не можем — воссоздать. Мы способны сделать так, чтобы Лиза заново выучила имя мужа и названия пьес Шекспира, но эти названия никогда не всколыхнут глубины её памяти, не породят те мысли, которыми она жила, а имя не будет ассоциироваться со встречами на кафедре, с чайками и песком, обломками ракушек и запахом моря, с холодным ветром и

пронзительной нежностью, от которых зуб на зуб не попадает, а на глаза наворачиваются слёзы.

Так должна ли я сделать выбор Максима ещё труднее, показав ему записи Лизы? Последнюю волю умерших принято выполнять. Лизина последняя воля была: никакого протезирования, никакой «новой Лизы», умерла так умерла. Выполнить её — дань уважения к умершему или глупый предрассудок? С другой стороны, Лиза не оставила Максиму записку, в которой просила бы не пытаться вернуть её. Почему? Не знаю...

Зато я знаю: спасённые самоубийцы рассказывали о том, что в последний момент, когда они ещё были в сознании, но уже ничего не могли сделать (например, летели вниз с моста), все причины, толкнувшие их к самоубийству, становились несущественными. Им ужасно хотелось лишь одного — жить. Повернуть всё назад. Отказаться от самоубийства. Это ли не сокровенная истина истин? Или это всего лишь инстинкт? Неужели воспоминания настолько дороги, что без них жизнь не представляет ценности? И неужели нет? Разве наше сознание не кто-то, кто вечно смахивает пыль с воспоминаний и раскладывает по полкам новые впечатления? Разве наши поступки не определяются нашим прошлым опытом? И лишиться этой коллекции не значит ли лишиться себя?

Не знаю.

Зато знаю, что Лиза кое-что упустила из виду. Её «биологическое эго» не сможет полноценно заботиться о себе. Так что, разрушив разум, Лиза обрекла тело на преждевременную смерть. От случайной инфекции, от травмы, от отравления, от несчастного случая, от пролежней — не важно. Другие люди, даже самые любящие и ответственные, не могут заботиться о человеке так, как он делает это сам, даже не осознавая.

Какой поступок будет правильным?

Откуда мне знать?

Благодаря «заплатке», наложенной на мой мозг врачами, я способна увидеть то, чего не видит большинство людей, но это не делает меня мудрой или всевидящей. Я так же слепа и беспомощна, как любой человек. Я не вижу ответы. Я не вижу истину.

Я вижу только след мыслей — огненные деревья.

Здравствуйте, Анна Георгиевна!

Вы меня не знаете, но я заочно с вами знакома. Я знаю вас по письмам мамы Юлии Сергеевны Панкратовой, которая была вашей заведующей отделением. Я видела вас на похоронах мамы, но познакомиться не стала: мне нужно было серьёзно с вами поговорить, а на похоронах это казалось неуместным.

Честно говоря, мне сложно решиться и сейчас. Меня зовут Ирина. Я живу в Крыму. В этом году защитила кандидатскую диссертацию и получила грант на исследования. Наша группа (4 человека) начала работать ещё в рамках студенческого общества: студентам легко формулировать безумные идеи. Наша безумная идея была такая: попытаться восстановить нейронные связи в коре (то есть, по сути, воспоминания) нейрохирургическим путём. То есть формировать, на основе данных томографии, для донорских нейронов «футляры» из глиальных клеток, тем самым управляя ростом отростков и формированием синапсов. «В пробирке» технологию мы разработали (это и было темой наших диссертаций). У нас есть база: военный госпиталь в Саки. Есть молодые и в меру безумные нейрохирурги. Есть собачки, которых мы очень жалеем, но готовы мучить. Есть немного денег. Есть обещание дать больше и даже предоставить нам пару пожилых шимпанзе, если мы будем хорошо себя вести. Но... нам очень нужен чтец для повседневного контроля наших предполагаемых успехов.

И я просто не знаю больше ни одного чтеца, которого я могла бы просить о помощи. (И в высокой квалификации которого я уверена, благодаря моей матери.) Прошу вас, давайте встретимся, и я расскажу всё конкретно: о наших работах, об условиях в Саки (госпиталь наверняка будет переманивать вас к себе, и мне придётся очень постараться, чтобы сохранить ваше внимание).

Если вы не против хотя бы рассмотреть моё предложение, напишите. Очень жду вашего ответа.

*С уважением,
Ирина Панкратова.*